

ЧЕГО НЕ НАПИСАНО В ПРОСПЕКТЕ

ЗА КУЛИСАМИ ЭЛИТНЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ШКОЛ БРАЗИЛИИ

ИСТОРИЯ УЧИТЕЛЯ
О КУЛЬТУРНОМ ШОКЕ,
АМБИЦИЯХ, ВЫГОРАНИИ
И О ТОМ, КАК НАЙТИ
СЕБЯ ЗАНОВО

АНАСТАСИЯ СА

18+

Анастасия Са

**Чего не написано в проспекте:
за кулисами элитных
международных школ Бразилии**

«Автор»

2026

Са А.

Чего не написано в проспекте: за кулисами элитных
международных школ Бразилии / А. Са — «Автор», 2026

Мечта преподавать в одной из престижных международных школ привела Анастасию в Бразилию. Работа по программе International Baccalaureate (IB), талантливые ученики и высокий уровень образования казались воплощением профессионального успеха. Но за фасадом престижной школы скрывались бесконечные дедлайны, эмоциональное выгорание, тревожность и постоянная борьба за право оставаться собой. Это честные мемуары о трёх годах жизни в международной школе, переезде в другую страну, поиске своего места, любви к преподаванию и цене, которую иногда приходится платить за мечту. Это история о том, как потерять себя, найти силы начать сначала и понять, что настоящий успех — не в престижной должности, а в возможности жить собственной жизнью.

© Са А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Что скрывается за воротами элитных международных школ Бразилии	6
© Анастасия Са, 2026	7
Все права защищены.	7
Авторское примечание	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
Предчувствие	9
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
Работа мечты	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	19
Проверка	19
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	23
Воскресенье	23
ГЛАВА ПЯТАЯ	26
Разберись сама	26
ГЛАВА ШЕСТАЯ	29
Учиться самой	29
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	33
Чьи это слова?	33
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	37
Неписанные правила	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анастасия Са
Чего не написано в проспекте: за кулисами
элитных международных школ Бразилии
ЧЕГО НЕ БЫЛО В ПРОСПЕКТЕ

**Что скрывается за воротами элитных
международных школ Бразилии
Анастасия Са**

© Анастасия Са, 2026

Все права защищены.

Никакая часть настоящего издания не может быть воспроизведена, сохранена в информационно-поисковой системе или передана в какой-либо форме и какими-либо средствами — электронными, механическими, фотокопированием, записью или иным способом — без предварительного письменного разрешения правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации об авторском праве.

Настоящая книга является документальной автобиографической работой, основанной на личном опыте автора. В целях защиты частной жизни отдельных лиц некоторые имена и иные идентифицирующие сведения были изменены. Все оценки, мнения и выводы являются личной позицией автора.

Первое издание

Опубликовано самостоятельно.

ЛитРес: Самиздат, 2026.

Посвящение

**Тем, кто хотя бы раз сомневался,
хватит ли у них сил идти дальше.**

**И Аморе и Заре, которые тихо напоминали мне,
что жизнь существует не только ради работы.**

**«Будь собой — все остальные роли уже заняты.»
— Оскар Уайльд**

Авторское примечание

Эта книга основана на реальных событиях.

В её основу легли мои личные воспоминания о работе преподавателем в одной из международных школ Сан-Паулу (Бразилия). Хотя описанные события происходили в действительности, некоторые имена, детали биографий и личные характеристики были изменены, чтобы сохранить конфиденциальность бывших учеников, коллег и образовательных учреждений.

Диалоги восстановлены по памяти, личным записям, электронным письмам и другим документам. В отдельных случаях они были сокращены или литературно переработаны ради большей ясности повествования, однако я сознательно сохранила верность событиям, их хронологии и, самое главное, тем чувствам, с которыми проживала всё описанное.

Эта книга не является попыткой осудить конкретных людей или какое-либо учебное заведение. Любая школа — это прежде всего люди со своими взглядами, достоинствами и недостатками. Всё, о чём вы прочитаете дальше, — это история одного человека, оказавшегося в определённом месте и в определённое время.

Когда я приняла предложение работать в одной из самых престижных международных школ Бразилии, мне казалось, что я получила работу своей мечты.

На самом деле я оказалась в мире, который заставил меня переосмыслить всё, что я знала об образовании, карьере, успехе и самой себе.

Это книга о преподавании.

Но ещё — об эмиграции, культурных различиях, стойкости, профессиональном выгорании и о той тонкой границе, где преданность своему делу незаметно превращается в самопожертвование.

И прежде всего — это книга о надежде.

Потому что самые большие возможности порой приходят под маской разочарований.

Потому что жизнь, за которую мы отчаянно цепляемся, далеко не всегда оказывается той жизнью, которая действительно предназначена нам.

И потому что иногда потеря мечты становится первым шагом к тому, чтобы наконец обрести себя.

Я искренне надеюсь, что где-то на этих страницах вы узнаете и частицу собственной истории.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Предчувствие

Иногда жизнь меняется почти неслышно. Настолько тихо, что лишь годы спустя понимаешь: дверь за твоей спиной закрылась уже тогда.

Ворота за моей спиной закрылись с тяжёлым металлическим лязгом.

Почти три года я проходила через них почти каждое буднее утро. Они всегда означали начало очередного учебного дня.

Теперь они означали совсем другое.

Свободу.

В руках у меня была небольшая картонная коробка.

Любимая кружка.

Две тетради.

Пластиковый пропуск сотрудника, который ещё несколько часов назад открывал передо мной любую дверь в школе, а теперь не значил ровным счётом ничего.

Охранник улыбнулся.

— **Boa sorte.**

Удачи.

Я машинально улыбнулась в ответ.

Лишь несколько месяцев спустя я поняла, что он вовсе не желал мне удачи.

Он поздравлял меня с тем, что мне удалось выбраться.

Тогда мне казалось, что самое трудное уже позади.

Я ошибалась.

Работа не меняет человека за одну ночь.

Это происходит почти незаметно.

Сначала меняется привычный распорядок дня.

Потом — сон.

А затем организм начинает жить в состоянии постоянной тревоги.

И однажды ты просыпаешься и понимаешь, что уже не помнишь, каким был до того, как работа стала всей твоей жизнью.

Чтобы объяснить, почему уход из одной из самых престижных международных школ Бразилии ощущался не как смена работы, а как побег из тюрьмы, мне придётся вернуться на несколько лет назад.

В самое начало.

Туда, где всё ещё казалось идеальным.

До международной школы я жила в районе Капао-Редонду, на юге Сан-Паулу.

Это совсем не тот Сан-Паулу, который обычно видят туристы.

Улицы оживают с самого раннего утра. Автобусы с грохотом проносятся мимо переполненных тротуаров. Мотоциклисты с поразительной уверенностью лавируют в плотном потоке машин. Бетонные стены покрыты яркими муралами, из пекарен на тротуары доносится аромат свежего **pão francês** — традиционных бразильских булочек, а с наступлением вечера кажется, что весь город начинает жить в ритме собственной неугомонной энергии.

В этом не было роскоши.

Но в этом была настоящая жизнь.

Я переехала в Бразилию 1 декабря 2021 года, приняв предложение преподавать английский язык в небольшой частной языковой школе.

Я любила преподавать.

И люблю до сих пор.

Работа приносила мне огромное удовольствие, ученики были замечательными, и хотя время от времени я задумывалась о следующем шаге в своей карьере, целенаправленно искать новую работу я не собиралась.

Пока одно сообщение не изменило всё.

Его прислала моя подруга из Нигерии.

«Здесь одна международная школа ищет преподавателя бизнес-менеджмента.

Отправь резюме.

Зарплата — **11 780 бразильских реалов**.»

Я уставилась на экран телефона.

Потом рассмеялась.

— Я никогда не преподавала бизнес-менеджмент.

Ответ пришёл почти мгновенно.

— Просто отправь.

Два слова.

Иногда именно этого достаточно, чтобы жизнь изменила направление.

Я отправила своё резюме, ничего не ожидая.

Честно говоря, я была уверена, что ответа не последует.

Бизнес-менеджмент никогда не был моей специализацией.

По образованию я специалист по международным отношениям.

До переезда в Бразилию я работала в Правительстве Москвы.

Затем стала преподавателем английского языка.

Ничто в моей биографии, казалось, не соответствовало вакансии, которую они предлагали.

Поэтому, когда через несколько дней на мою электронную почту пришло приглашение на собеседование, я перечитала письмо три раза.

Наверняка они ошиблись адресом.

Но нет.

Первое собеседование проводили Кеми и Лусиана.

Мы разговаривали почти час.

И я решила, что нет никакого смысла изображать человека, которым не являюсь.

— Я никогда не преподавала бизнес-менеджмент, — призналась я почти сразу.

Вместо того чтобы пытаться произвести впечатление, я просто сказала правду.

Рассказала о своём образовании.

О прежней профессии.

О том, почему однажды безоговорочно влюбилась в преподавание.

Когда собеседование закончилось, я неожиданно почувствовала облегчение.

Что ж, подумала я.

По крайней мере, я попробовала.

Теперь жизнь снова войдёт в привычное русло.

Я не могла ошибаться сильнее.

Через несколько дней пришло ещё одно письмо.

Оказалось, школе требовался не только преподаватель бизнес-менеджмента.

Им также были нужны преподаватели ещё по двум дисциплинам программы **International Baccalaureate (Международный бакалавриат):**

Theory of Knowledge (Теория познания).

Extended Essay (Расширённое исследовательское эссе).

Я едва представляла себе, что это вообще такое.

Письмо заканчивалось одной короткой фразой:

Пожалуйста, подготовьтесь ко второму собеседованию в среду.

Именно тогда всё внутри меня воспротивилось.

Не разум.

Само тело.

До сих пор я не могу объяснить, что произошло потом.

Не существовало ни одной логической причины сомневаться.

Никаких тревожных сигналов.

Никакого негативного опыта.

Ничего конкретного.

И всё же каждая клеточка моего существа повторяла одно и то же:

Не ходи.

Пожалуйста...

Не ходи.

Это был не страх.

Мне уже приходилось проходить через вещи куда труднее.

И дело было не в неуверенности в себе.

Я знала, что способна освоить новые предметы.

Это было что-то совсем другое.

Словно какая-то тихая, глубоко спрятанная часть меня уже увидела будущее.

Я позвонила маме.

К собственному удивлению, я расплакалась.

— Мам...

— Что случилось?

— Я не понимаю, что со мной происходит.

Она старалась меня успокоить.

Если смотреть объективно, предложение было невероятным.

Зарплата почти в десять раз превышала ту, что я получала тогда.

Частная медицинская страховка.

Постоянный трудовой контракт.

Одна из самых престижных международных школ Бразилии.

О такой работе многие только мечтают.

Так почему же всё во мне хотело убежать?

За день до второго собеседования я заболела.

По-настоящему.

Высокая температура.

Полное бессилие.

Я написала в школу и попросила перенести встречу.

Официально — потому что была слишком больна, чтобы прийти.

Неофициально...

Я надеялась, что они просто выберут другого кандидата.
Что решение исчезнет само собой прежде, чем мне придётся его принимать.
Иногда это называют судьбой.
Иногда — страхом.
Я до сих пор не знаю, что это было.
Через несколько часов школа ответила.
Собеседование перенесли на пятницу.
Похоже, жизнь не собиралась принимать это решение вместо меня.

Второе собеседование проводили Кеми и Родриго.
В какой-то момент я спросила:
— Школа предоставляет жильё?
— Мой нынешний работодатель предоставляет.
Родриго покачал головой.
— Нет.
— Жильё вам придётся искать самостоятельно.
И снова всё внутри меня болезненно сжалось.
Лишь на мгновение.
Но это чувство никуда не исчезло.
Под конец собеседования Родриго посмотрел прямо в камеру.
— Если мы предложим вам эту должность...
...вы согласитесь?
Я замолчала.
— Мне нужно немного времени, чтобы подумать.
Это был самый честный ответ, который я могла дать.

Через два дня пришло предложение.
Меня приняли.
Я прочитала письмо один раз.
Потом ещё раз.
И ещё.
Затем позвонила маме.
Наверное, я должна была чувствовать только гордость.
И часть меня действительно её чувствовала.
Получить работу в одной из лучших международных школ страны было огромным достижением.

Но другое чувство никак не исчезало.
Тихое.
Настойчивое.
Необъяснимое.

Что-то не так.

Ничего плохого ещё не произошло.
Пока нет.
Напротив, казалось, всё складывается именно так, как я всегда мечтала.
Наверное, именно поэтому я проигнорировала этот внутренний голос.
Когда жизнь наконец даёт тебе всё, к чему ты так долго шёл, не принято задавать вопросы.
Принято говорить «да».
Я решила, что моя интуиция ошибается.
Она не ошибалась.

Единственное, о чём она не смогла меня предупредить...
...это насколько пугающе точной окажется.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Работа мечты

«В Colégio Integra мы вдохновляем учеников становиться думающими, отзывчивыми и ответственными гражданами мира.»

Первый рабочий день начался задолго до того, как я переступила школьный порог.
Мы с Олу молча шли от станции метро.
Никто из нас почти не разговаривал.
Познакомились мы всего несколько дней назад, во время отбора кандидатов.
Он приехал из Ганы.
Я — из России.
На первый взгляд нас почти ничего не связывало.
Кроме одного.
Нам обоим предстояло начать самую важную работу в своей жизни.
И ни один из нас не хотел признаться, насколько сильно волнуется.
Поэтому мы просто шли вперёд.

По меркам Сан-Паулу июльское утро было прохладным.
Город уже проснулся.
Уличные торговцы раскладывали фрукты на деревянных прилавках.
Автобусы тяжело вздыхали на светофорах.
Из ближайшей пекарни доносился аромат свежего **pão francês**.
Пятнадцать минут.
Потом двадцать.
А школа, казалось, совсем не становилась ближе.
Помню, как тогда подумала:

Каждое утро мне предстоит проходить этот путь.

Тогда я ещё не знала, что однажды буду помнить каждую трещину на этом тротуаре.

На мне была самая деловая одежда, какая только нашлась в моём гардеробе.
Тёмный пиджак.
Идеально выглаженные брюки.
Начищенные туфли.

Короткая стрижка делала меня гораздо увереннее на вид, чем я чувствовала себя на самом деле.

Внутри же я снова и снова мысленно проговаривала слова знакомства, которыми, скорее всего, так никогда и не воспользуюсь.

И вдруг...

Я увидела её.

Colégio Integra.

Я невольно остановилась.

Снаружи это место совсем не походило на школу.

Скорее на штаб-квартиру крупной международной технологической компании.

Солнечный свет отражался в огромных стеклянных фасадах. Здания выглядели безупречно чистыми — строгими, геометричными, почти минималистичными. Их окружали иде-

ально спланированные сады, где каждое дерево словно росло именно там, где ему было предназначено. Вокруг не было ни единой бумажки. Даже тишина казалась дорогой.

Ученики пересекали внутренний двор с MacBook и iPad в руках вместо привычных стопок тетрадей. Они двигались с той естественной уверенностью людей, которые выросли с ощущением, что мир всегда найдёт для них место.

Родители выходили из дорогих внедорожников, обменивались короткими приветствиями и исчезали в утреннем потоке автомобилей Сан-Паулу.

Никто никуда не спешил.

Нигде не было суеты.

Всё выглядело...

...безупречно естественным.

Ничего подобного я прежде не видела.

Даже лучшие школы России всё равно оставались школами.

А это место казалось будущим.

На несколько секунд я совершенно забыла, что нервничаю.

Помню, как подумала:

Не могу поверить, что они действительно приняли меня на работу.

Мы вошли внутрь.

Холл больше напоминал вестибюль дорогого бутик-отеля, чем вход в учебное заведение.

Потоки естественного света лились через панорамные окна от пола до потолка.

Где-то неподалёку пахло свежесваренным кофе.

Учителя приветствовали друг друга то на португальском, то на английском, то на испанском, настолько свободно переходя с одного языка на другой, что иногда я уже не понимала, где заканчивается один разговор и начинается следующий.

На стенах висели фотографии улыбающихся учеников, международных проектов, университетских поступлений и благотворительных инициатив.

Всё вокруг словно говорило об одном:

Здесь живёт совершенство.

И не поверить этому было невозможно.

Потом...

Классы.

Светлые.

Просторные.

Передвижная мебель.

Интерактивные доски.

Проекторы.

Apple TV.

Зарядные станции.

Стеклянные стены.

Ничто не напоминало те классы, в которых когда-то училась я сама.

Каждая деталь была создана для того, чтобы ученики обсуждали, спорили, размышляли, а не просто заучивали материал.

Даже парты словно отказывались выстраиваться в ровные ряды.

Потом...

Библиотека.

Очень быстро она стала одним из моих самых любимых мест в школе.

Там было тихо.
Но эта тишина совсем не давила.
За большими деревянными столами ученики вместе работали над проектами.
Другие сидели в наушниках, полностью погрузившись в исследования.
Полки ломились от книг на английском и португальском языках.
Это помещение казалось созданным вовсе не для хранения книг.
Оно было создано для рождения идей.

Потом...
Учительская.
Даже она меня удивила.
Свежие фрукты.
Отличный кофе.
Удобные диваны.
Учителя, смеющиеся между уроками.
Кто-то предложил мне булочку ещё до того, как я успела запомнить имена всех коллег.
Такие маленькие жесты заставляют подумать:
Здесь действительно заботятся о своих людях.

Оглядываясь назад, я теперь прекрасно понимаю, почему первое впечатление обладает такой силой.

Красивые места заставляют нас терять бдительность.

Когда всё вокруг буквально шепчет о совершенстве, начинаешь верить, что совершенство существует повсюду.

Архитектура сама становится аргументом.
Стеклянные стены говорят о прозрачности.
Ухоженные сады — о гармонии.
Улыбающиеся лица — о счастье.
Я поверила всему.
Разве можно было иначе?

Вводная программа продолжалась почти всё утро.

Мы переходили из одного корпуса в другой, стараясь запомнить имена сотрудников, расположение кабинетов, учительских, переговорных комнат и бесчисленных дверей, которые выглядели почти одинаково.

Куда бы мы ни пришли, нас встречали улыбкой.
Кто-то предлагал помощь.
Кто-то желал удачи.
Школа работала с удивительной точностью.
У всего было своё место.
Каждый словно прекрасно понимал, что именно ему нужно делать.
Каждый.
Кроме меня.
Вокруг звучал язык, которого я никогда прежде не слышала.
Это был не португальский.
И не английский.
Это был...

IV.

— Criterion A.

- Criterion B.
- CAS.
- EE.
- TOK.
- ATL Skills.
- Approaches to Learning.
- Moderation.
- Internal Assessment.

Все кивали так, словно эти слова были совершенно обычными.

Кивала и я.

Хотя внутри меня нарастала настоящая паника.

Я почти ничего не понимала.

Я улыбалась так часто, что к концу утра у меня заболели щёки.

Самой безопасной стратегией оказалось внимательно слушать и записывать абсолютно всё.

Я исписывала страницу за страницей.

Не потому, что понимала написанное.

А потому, что надеялась разобраться позже.

В какой-то момент рядом со мной остановилась одна из преподавательниц.

— Вы будете вести TOK и Extended Essay?

— Да.

— Вам понравится.

Я улыбнулась.

— Очень на это надеюсь.

— Только обязательно прочитайте все руководства.

— Я уже скачала их.

Она рассмеялась.

— Нет.

И покачала головой.

— Я имею в виду — **по-настоящему прочитайте.**

Эта фраза надолго осталась у меня в памяти.

Незадолго до обеда одна из координаторов попросила меня зайти к ней.

Она закрыла дверь кабинета.

— Хочу дать вам один совет.

Я кивнула.

— Когда будете знакомиться с учениками...

...расскажите им о своей прежней работе.

— О прежней работе?

— О Правительстве Москвы.

Она сказала это так, словно всё было очевидно.

— Расскажите, что работали с министрами.

Я удивлённо посмотрела на неё.

— Не уверена, что это имеет какое-то значение.

— Имеет.

Она улыбнулась.

— Им важно понимать, кто вы.

Тогда я не совсем поняла, что она имеет в виду.
Мне казалось, речь идёт о профессиональном авторитете.
Лишь гораздо позже я осознала:
она говорила совсем о другом.
О власти.

Столовая тоже ничем не напоминала те школы, где я работала раньше.
Свежие салаты.
Горячие блюда.
Фрукты.
Кофе.

За соседними столами преподаватели разговаривали на английском, португальском и испанском, порой переходя с одного языка на другой прямо посреди предложения.

Я села рядом с Олу.
— Ну что? — улыбнулся он.
— Как тебе?
Я огляделась.
Честно?
— До сих пор не могу поверить, что они взяли меня.
Он рассмеялся.
— Я думаю абсолютно то же самое.
И впервые за всё утро...
Я расслабилась.

Когда вечером мы возвращались к метро, школьные корпуса постепенно скрылись за деревьями.

Я обернулась в последний раз.
Стеклянные здания отражали мягкое зимнее солнце.
Всё в этом месте говорило о будущем.
О престиже.
О возможностях.
О новой жизни.
Если бы тогда кто-нибудь спросил меня, правильное ли решение я приняла...
Я бы ответила без малейших сомнений.

Безусловно.

Но самые опасные места редко внушают страх.
Они встречают нас с распростёртыми объятиями.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Проверка

«Мы помогаем каждому ученику мыслить самостоятельно и уверенно выражать свои идеи.»

Очень быстро я поняла, что самая сложная часть моей новой работы никак не связана с преподаванием.

Я никогда не боялась изучать что-то новое.

Если чего-то не знала — училась.

Если ошибалась — исправляла ошибку.

Со знаниями всегда можно разобраться.

С людьми — гораздо сложнее.

В первые недели работы в **Colégio Integra** каждый день ощущался как экзамен, о существовании которого меня никто не предупредил.

И это был экзамен не по бизнес-менеджменту.

Не по **Theory of Knowledge**.

И не по **Extended Essay**.

Это был экзамен...

На право быть учителем.

В России даже самые непростые ученики обычно понимали одно негласное правило.

Учитель ведёт урок.

Можно было не соглашаться.

Можно было жаловаться.

Можно было даже не любить предмет.

Но между учеником и преподавателем всё равно существовала невидимая граница.

В **Colégio Integra** этой границы почти не было.

Ученики открыто спорили с преподавателями.

Родители подвергали сомнению каждое решение школы.

Учителя обращались к координаторам по имени.

Поначалу мне это нравилось.

Это казалось современным.

Прогрессивным.

Уважительным.

Мне казалось, что я наконец оказалась в той образовательной среде, о которой мечтают педагоги во всём мире.

А потом...

Реальность решила представиться лично.

Это произошло в один из первых месяцев моей работы.

Я объясняла новый материал.

В классе стояла непривычная тишина.

Почти все внимательно слушали.

Кроме одного ученика.

Он сидел у окна, с беспроводными наушниками в ушах.

Учебник лежал перед ним раскрытым.
Но он его даже не читал.
Мыслями он был где-то очень далеко.
Я продолжала объяснять ещё около минуты, а потом решила вернуть его к уроку.
— Прочитай, пожалуйста, следующий абзац.
Никакой реакции.
Он даже не поднял головы.
Сидевший рядом одноклассник осторожно толкнул его локтем.
Только тогда он медленно повернулся ко мне.
Не торопясь.
С полным спокойствием.
Он вынул из уха наушник.
Только один.
Эта деталь сразу бросилась мне в глаза.
Не оба.
Один.
Словно ещё не решил, заслуживаю ли я всего его внимания.
Я улыбнулась.
— Прочитай, пожалуйста, абзац.
Несколько долгих секунд он молча смотрел мне прямо в глаза.
На его лице не дрогнул ни один мускул.
Потом совершенно спокойно произнёс:
— Я с тобой не разговаривал.

В классе повисла тишина.
Та самая тишина, которая имеет вес.
Где-то на задней парте кто-то тихо ахнул.
По полу негромко скрипнул отодвинутый стул.
Никто не рассмеялся.
Никто даже не пошевелился.
Двадцать пар глаз одновременно перевели взгляд с него на меня.
Все ждали.
Не того, что сделает он.
А того, что сделаю я.

Никогда прежде я не слышала, чтобы ученик разговаривал с преподавателем подобным образом.

Ни в России.
Ни в Бразилии.
Нигде.
На долю секунды у меня в голове стало совершенно пусто.
Я понимала:
то, что произойдёт дальше, будет иметь значение.
И вовсе не из-за этого ученика.
А потому что весь класс сейчас внимательно наблюдал за мной.
Я медленно вдохнула.
Постаралась сохранить спокойный голос.
— Сейчас идёт урок.
И я твой преподаватель.

Пожалуйста, прочитай следующий абзац.

Он продолжал смотреть мне в глаза.

Одна секунда.

Две.

Три.

Хотя мне показалось, что прошла целая вечность.

Наконец, не сказав больше ни слова, он открыл учебник и начал читать.

Урок продолжился.

Внешне ничего не произошло.

Но внутри меня что-то изменилось навсегда.

Он дочитал текст.

Я поблагодарила его и продолжила объяснение так, словно ничего не случилось.

Со стороны всё выглядело совершенно обычным.

Мы обсуждали тему.

Ученики отвечали на вопросы.

Переворачивали страницы учебников.

Прозвенел звонок.

Но что-то уже изменилось.

Когда класс наконец опустел, я ещё несколько минут сидела одна.

Закрыла учебник.

Медленно выдохнула.

И только тогда почувствовала, насколько напряжены были мои плечи.

Позже, тем же днём, я сидела в учительской.

Одна из коллег улыбнулась и спросила:

— Ну как проходит твой первый месяц?

Я рассмеялась.

— Кажется, сегодня меня проверяли.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Какой класс?

Я рассказала, что произошло.

Она слушала, не перебивая.

Когда я закончила, она лишь спокойно кивнула.

— Не принимай это на свой счёт.

В её голосе не было ни удивления.

Ни возмущения.

Только спокойное понимание.

После небольшой паузы она добавила:

— Многие наши ученики выросли в семьях, которые всю жизнь находятся на виду у общества.

Я вопросительно посмотрела на неё.

Она пожала плечами.

— Некоторые — дети известных политиков.

— Другие выросли в семьях крупных предпринимателей.

— А у кого-то родители — знаменитые спортсмены.

Она мягко улыбнулась.

— Постарайся не воспринимать их через призму того, кем являются их родители.

— Постарайся понять мир, в котором они выросли.

Всю дорогу домой я думала об этом разговоре.

Дело было вовсе не в славе.

Не в деньгах.

И не во власти.

Речь шла о чём-то гораздо менее заметном.

Некоторые дети растут в мире, где двери открываются ещё до того, как они успевают в них постучать.

Где взрослые предпочитают договариваться с ними, а не устанавливать границы.

Где уверенность в себе появляется сама собой, потому что им слишком редко говорят слово «нет».

Именно тогда я поняла, что самым большим испытанием для меня станет вовсе не преподавание программы **International Baccalaureate**.

Главным испытанием будет научиться понимать ту культуру, в которой мои ученики жили задолго до того, как впервые вошли в мой класс.

Только тогда у меня появится шанс по-настоящему до них достучаться.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Воскресенье

«Мы убеждены, что благополучие учителя создаёт благополучную образовательную среду.»

Прошло всего несколько дней с тех пор, как я ушла из школы.

Было воскресенье.

Впервые за три года...

На следующее утро мне не нужно было никуда идти.

Не нужно было готовить уроки.

Проверять эссе.

Отвечать на письма, которые не могли подождать ещё час.

Ничего.

И всё же...

Около шести часов вечера произошло нечто странное.

Моё тело начало готовиться к понедельнику.

Само собой.

Автоматически.

Словно оно забыло, что я наконец свободна.

Я посмотрела на часы.

Шесть тридцать.

Обычно именно в это время я начинала мысленно отсчитывать вечер в обратном порядке.

Если я хотела поспать хотя бы шесть часов...

Значит, лечь нужно не позже десяти.

А значит...

Сейчас ужин.

Потом душ.

Собрать сумку.

Поставить iPad на зарядку.

Проверить расписание на завтра.

Поставить будильник на четыре утра.

Не один.

Три.

На всякий случай.

И вдруг я вспомнила.

Я больше там не работаю.

Это осознание оказалось почти физическим.

Будто кто-то наконец снял наручники, о существовании которых я уже перестала помнить.

За эти три года воскресенье перестало быть частью выходных.

Оно превратилось в прихожую понедельника.

Даже когда я официально не работала...

Я уже работала.

Снова и снова прокручивала в голове разговоры.

Думала о сложных учениках.

Вспоминала письма, на которые ещё не ответила.
Мысленно переписывала завтрашние уроки.
Размышляла, не пожалуется ли кто-нибудь.
Ответили ли родители.
Не забыла ли я что-то важное.
Школа научилась занимать мои мысли задолго до того, как занимала мой день.

Когда я только пришла в **Colégio Integra**, мне хотелось стать тем преподавателем, которого ученики будут помнить по правильным причинам.

Я приходила раньше всех.
Всегда.
Покупала красивые платья специально для работы.
Часами готовила уроки.
Искала более удачные примеры.
Более интересные вопросы.
Более глубокие дискуссии.

Иногда полностью переделывала весь урок лишь потому, что мне казалось: одно упражнение может быть всего на два процента интереснее другого.

Я искренне верила, что усилия всегда имеют значение.

А потом...
Однажды...
Что-то изменилось.
Не внезапно.
Почти незаметно.
Я несколько часов готовила урок.
И очень им гордилась.
Примеры были актуальными.
Вопросы — продуманными.
Презентация выглядела прекрасно.
Я вошла в класс с воодушевлением.
Большинство учеников едва подняли глаза.
Тем вечером я возвращалась домой с одной мыслью:

Зачем я так стараюсь ради людей, которые этого почти не замечают?

Именно тогда я впервые задала себе вопрос, который потом ещё два года снова и снова будет возвращаться ко мне.

Ради кого я всё это делаю?

В учительской кампуса **Panamby** почти всегда стояла тишина.
Не спокойствие.
Именно тишина.
Открытые ноутбуки.
Остывающий кофе.
Люди, не отрывающие глаз от экранов.
Единственными звуками были щелчки клавиатуры.
Иногда кто-нибудь тяжело вздыхал.
Никто не спрашивал:
— Как прошли выходные?
Все выглядели занятыми.

Или уставшими.

Или одновременно и тем, и другим.

В кампусе **Jardins** всё было иначе.

Люди разговаривали.

Смеялись.

Делились историями.

Сначала мне показалось, что здесь наконец-то царит более тёплая атмосфера.

Но потом я начала прислушиваться.

Большинство разговоров были вовсе не об идеях.

Они были...

О людях.

О преподавателях.

Об учениках.

О родителях.

О координаторах.

Однажды после обеда преподавательница испанского языка слегка коснулась моей руки.

— Можно дать тебе один совет?

— Конечно.

Она понизила голос.

— Осторожнее с тем, что говоришь.

Я вежливо улыбнулась.

Она быстро огляделась по сторонам.

Потом почти шёпотом произнесла:

— **У стен есть уши.**

И ушла прежде, чем я успела спросить, что именно она имела в виду.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Разберись сама

«Программа IB помогает ученикам стать уверенными, думающими людьми, которые принимают вызовы с любопытством и стойкостью.»

Есть особый страх.

Он приходит в тот момент, когда понимаешь: окружающие ждут, что ты уже умеешь делать то, чему тебя никто никогда не учил.

Примерно через месяц после начала работы в **Colégio Integra** этот страх стал моим постоянным спутником.

К тому времени я уже преподавала **Theory of Knowledge**, руководила исследовательскими работами **Extended Essay**, готовила уроки, практически с нуля осваивала программу **International Baccalaureate** и изо всех сил старалась не показывать окружающим, насколько многого всё ещё не знаю.

Каждый вечер заканчивался одинаково.

Обеденный стол исчезал под стопками официальных руководств IB.

Маркеры.

Клейкие стикеры.

Кружки с кофе.

Ноутбук.

Школьный iPad.

Я читала до полуночи.

Иногда — ещё дольше.

Не потому, что меня кто-то заставлял.

А потому что до ужаса боялась ошибиться.

И чем больше я узнавала...

Тем яснее понимала, сколько ещё не знаю.

И однажды я заметила кое-что удивительное.

Оказалось...

Я была не единственной.

На следующее утро я постучала в кабинет Кеми.

— У тебя есть минутка?

Она подняла глаза от компьютера.

— Конечно.

Я села.

— Мне кажется, нам нужен обучающий семинар.

— По чему именно?

— По **Extended Essay**.

Я замялась.

— Честно говоря... мне кажется, никто из нас до конца не понимает, как всё это вообще должно работать.

Она выслушала меня, не перебивая.

Потом кивнула.

— Согласна.

Меня мгновенно охватило облегчение.

Наконец-то.

Хоть кто-то увидел ту же проблему.

И тут она улыбнулась.

— Ты его и проведёшь.

Я молча ждала продолжения.

Но продолжения не последовало.

— Прости?..

— Ты проведёшь этот семинар.

Вечером накануне семинара я снова заглянула к Кеми.

— Один вопрос.

— На каком языке проводить презентацию?

— На английском, — без колебаний ответила она.

Отлично.

Я вернулась домой и несколько часов репетировала буквально каждую фразу.

Слайды были готовы.

Конспект тоже.

Впервые за последние несколько дней я почувствовала, что действительно подготовилась.

На следующий день, примерно за двадцать минут до начала семинара, Кеми вошла в аудиторию.

— Есть небольшое изменение.

Я подняла голову.

— Слайды остаются на английском.

Я кивнула.

— Но выступать ты будешь на португальском.

Я автоматически улыбнулась.

И стала ждать.

Наверняка это ещё не всё.

Но это действительно было всё.

— Всё выступление?

— Всё.

Я посмотрела на свои записи.

Каждая фраза.

Каждый пример.

Каждый переход.

Всё было написано по-английски.

Времени что-либо переписывать уже не оставалось.

Оставалось только на ходу переводить всё у себя в голове.

К тому времени я уже усвоила один важный урок работы в **Colégio Integra**.

План почти никогда не оставался планом.

В последний момент обязательно что-нибудь менялось.

Со временем я перестала этому удивляться.

Несколько месяцев спустя, во время длинных праздничных выходных, мы решили уехать к океану.

Помню, как сидела у окна автобуса и смотрела, как город медленно исчезает за спиной.

Высотные здания уступили место деревьям.

Деревья — горам.

А потом...

Впервые показался океан.

Впервые за много недель я по-настоящему расслабилась.

Именно тогда зазвонил телефон.

Кеми.

Я ответила.

Ей нужно было уточнить, какой преподаватель закреплён за одним из учеников для руководства его **Extended Essay**.

Самый обычный рабочий вопрос.

Разговор длился меньше двух минут.

Когда звонок закончился, я снова посмотрела в окно.

Океан никуда не исчез.

Пляж по-прежнему ждал нас.

Выходные продолжались.

Но внутри меня что-то изменилось.

Я вдруг поняла, что больше не могу определить, где заканчивается работа и начинается моя собственная жизнь.

Школа незаметно села со мной в один автобус.

Тогда я ещё не понимала, что тот телефонный звонок стал концом чего-то очень важного.

С этого момента работа перестала быть тем, что я делаю.

Она стала тем, что я постоянно ношу с собой.

В то время мне всё ещё казалось, что самым большим испытанием станет освоение программы **International Baccalaureate**.

Я ошибалась.

Самой сложной никогда не была сама программа.

Самыми сложными всегда были...

Люди.

И очень скоро мне предстояло убедиться в этом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Учиться самой

«Преподаватели IB — это люди, которые учатся всю жизнь и постоянно совершенствуют своё профессиональное мастерство.»

Людам часто кажется, что учитель уже знает всё, чему собирается учить других. На самом деле всё гораздо сложнее. Иногда преподаватель опережает своих учеников всего на несколько шагов. Именно так я чувствовала себя в первый год работы в **Colégio Integra**.

Примерно в середине учебного года мы подошли к одному из самых сложных компонентов программы **International Baccalaureate Diploma Programme**.

Theory of Knowledge Essay.

Эссе объёмом тысяча шестьсот слов.

Одна работа.

Один вопрос.

И единственная возможность показать не то, **что** ученик знает, а **как** он мыслит.

До этого момента я даже не подозревала о существовании этого эссе.

А потом пришло ещё более неприятное осознание.

Я совершенно не представляла, как этому учить.

Формально в школе был человек, который должен был помогать новым преподавателям.

Координатор курса **Theory of Knowledge** — Карлос.

В его обязанности входило знакомить нас с программой, объяснять критерии оценивания, отвечать на вопросы и следить за тем, чтобы преподаватели понимали, чего именно IB ожидает и от нас, и от учеников.

В теории всё звучало очень обнадеживающе.

На практике всё оказалось совсем иначе.

Раз в несколько недель Карлос проводил онлайн-встречи.

Каждый раз я подключалась к ним с блокнотом, исписанным вопросами, искренне надеясь, что сегодня наконец станет понятно то, что до сих пор казалось загадкой.

Однажды он включил демонстрацию экрана.

— Вот, — сказал он, — пример эссе по **Theory of Knowledge**.

Щёлкнул следующий слайд.

— А это критерии оценивания.

Через несколько минут встреча закончилась.

Я так и осталась сидеть перед компьютером.

И всё.

Никаких обсуждений.

Никаких примеров.

Никаких объяснений, как научить учеников выстраивать аргументацию.

Никаких советов, как преподавать критическое мышление.

Ничего.

Я закрыла ноутбук ещё более растерянной, чем до начала встречи.

Тем вечером я приняла решение.
Если никто не собирается меня этому учить...
Я научусь сама.

С тех пор каждый вечер после работы превращался в ещё один учебный день.
Обеденный стол в моей квартире исчезал под стопками официальных материалов IB.
Руководства для экзаменаторов.

Образцы эссе.

Блокноты.

Маркеры.

Кружки с кофе.

Я часами искала информацию на YouTube.

Читала профессиональные форумы.

Сравнивала работы, получившие высокие оценки, с теми, которые оценили значительно ниже.

Постепенно я начала находить преподавателей, которые действительно понимали эту программу.

Один из них стал моим негласным наставником.

Я даже не помню его имени.

Кажется, когда-то он был экзаменатором IB.

Возможно, преподавал в какой-то международной школе где-то в мире.

Я так этого и не узнала.

Он никогда не узнает и о моём существовании.

Но вечер за вечером именно он терпеливо отвечал на вопросы, на которые никто в моей собственной школе так и не смог ответить.

Его видеоролики стали моим университетом.

Постепенно невозможное начало становиться понятным.

Я поняла, почему одни эссе получают максимальные баллы, а другие — нет.

Почему одни примеры работают.

А другие оказываются бесполезными.

Как всего одно предложение способно полностью изменить силу аргументации.

Я больше не заучивала критерии.

Я начала понимать философию, которая за ними стоит.

И именно это изменило всё.

В следующие месяцы я прочитала сотни ученических эссе.

Проверяла вариант за вариантом.

Встречалась со студентами индивидуально.

Каждый разговор чему-то меня учил.

Каждое эссе делало меня чуть лучшим преподавателем.

Оглядываясь назад, я иногда думаю, что моё настоящее образование началось только после того, как я сама стала учителем.

Ко второму году работы в **Colégio Integra** произошло то, чего я совершенно не ожидала.

Ученики начали рекомендовать мои занятия по **Theory of Knowledge** младшим классам.

Коллеги всё чаще подходили ко мне с вопросами о критериях оценивания.

Некоторые даже просили объяснить отдельные элементы программы на заседаниях кафедры.

Человек, который ещё совсем недавно беспомощно смотрел на пустой экран компьютера, теперь помогал другим разобраться в том же самом.

Это изменение произошло почти незаметно.

Вечер за вечером.

Шаг за шагом.

И однажды мне пришла в голову ещё одна мысль.

Если мне было настолько трудно...

Значит, я наверняка не одна.

Где-то сейчас другой преподаватель, наверное, тоже сидит за кухонным столом с тем же самым официальным руководством и не понимает, с чего начать.

Где-то ученик пытается разобраться, что вообще означает слово «знание» в контексте **Theory of Knowledge**.

Я открыла ноутбук.

Нажала кнопку **Record**.

И загрузила своё первое видео на YouTube.

Оно было далеко не идеальным.

Освещение получилось ужасным.

Я не раз сбивалась.

Запиналась.

Но я объяснила **Theory of Knowledge** именно так, как когда-то мечтала услышать это объяснение сама.

Просто.

Понятно.

Не делая вид, будто всё намного легче, чем есть на самом деле.

К моему удивлению, люди начали смотреть.

Преподаватели.

Ученики.

Родители.

Под видео стали появляться комментарии из стран, в которых я никогда не была.

Мне начали задавать вопросы люди, которых я, скорее всего, никогда не встречу.

И впервые бесконечные часы, которые я когда-то потратила на собственное обучение, начали помогать кому-то ещё.

С тех пор как я ушла из **Colégio Integra**, прошло уже несколько недель.

И даже сейчас, когда я слышу слова **TOK**, **Exhibition** или **Extended Essay**, внутри меня что-то невольно сжимается.

Я по-прежнему прекрасно знаю, как преподавать эти курсы.

Если бы завтра кто-нибудь принёс мне эссе, я без колебаний знала бы, с чего начать.

Но тело помнит то, что разум уже давно пытается забыть.

Напряжение.

Бесконечные дедлайны.

Постоянное чувство ответственности.

Иногда меня спрашивают, не хотела бы я снова консультировать учеников по **Theory of Knowledge** онлайн.

И каждый раз я отвечаю одинаково.

— Нет.

Не потому, что не умею.

А потому, что некоторые уроки оставляют шрамы, которых не видно.

Оглядываясь назад, я понимаю:

Школа не научила меня преподавать **Theory of Knowledge**.

Я научилась этому сама.

Школа лишь дала мне причину начать.

И где-то на пути...

Между растерянностью и уверенностью...

Я стала тем преподавателем, которого когда-то так отчаянно искала сама.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Чьи это слова?

«Академическая честность — основа подлинного обучения.»

К тому моменту, когда я наконец почувствовала себя уверенно, преподавая академическое письмо, произошло событие, которое почти в одночасье изменило образование во всём мире.

Появился **ChatGPT**.

К началу второго года работы в **Colégio Integra** мне впервые показалось, что я действительно понимаю, что делаю.

Паника, сопровождавшая меня в первые месяцы, постепенно исчезла.

Я больше не проводила каждый вечер, мучительно размышляя, правильно ли поняла критерии оценивания.

Ученики задавали глубокие вопросы.

Я знала, как направить их мысли.

Как оспорить их аргументы.

Как помочь найти более убедительные примеры.

Впервые с момента прихода в школу я почувствовала то, чего давно не испытывала.

Уверенность.

И вдруг...

Почти за одну ночь всё изменилось.

Появился **ChatGPT**.

Поначалу это казалось настоящим чудом.

Ученики могли задать сложный вопрос и уже через несколько секунд получить прекрасно сформулированный ответ.

Могли генерировать идеи.

Строить структуру аргументации.

Исправлять грамматику.

Даже опытные преподаватели были поражены.

Я тоже.

Я совсем не боялась искусственного интеллекта.

Наоборот.

Мне казалось, что перед нами появляется один из самых мощных образовательных инструментов за всю историю.

Но только при одном условии.

Думать по-прежнему должен был сам ученик.

Очень скоро я начала замечать странные вещи.

Некоторые эссе перестали звучать так, словно их написали сами ученики.

По крайней мере...

Те, кто утверждал, что написал их самостоятельно.

Грамматика вдруг стала безупречной.

Словарный запас — неожиданно богатым.

В текстах появились аргументы, которые тот же самый ученик никогда не смог бы объяснить во время обсуждений на уроке.

Меня настораживало вовсе не совершенство текста.

Меня настораживало исчезновение авторского голоса.

У каждого ученика постепенно формируется собственная манера письма.

Почти как отпечаток пальца.

Прочитав сотни работ, начинаешь узнавать её интуитивно.

И вдруг...

Некоторые из этих «отпечатков» просто исчезли.

Сначала я никого ни в чём не обвиняла.

Вместо этого я задавала один очень простой вопрос.

— Можешь объяснить мне этот абзац?

Как правило, этого было достаточно.

Если ученик действительно писал работу сам, он всегда мог объяснить, что хотел сказать.

Иногда не сразу находил нужные слова.

Иногда сам признавал, что аргумент получился слабым.

Но мысли были его собственными.

Именно это было для меня самым важным.

Однажды на занятии один студент показал мне свое эссе, которое сразу показалось странным.

Не лучше остальных.

Именно странным.

Язык оказался намного сложнее всего, что я когда-либо слышала от него раньше.

Структура выглядела необычайно выверенной.

Мысли плавно переходили одна в другую.

Я прочитала первую страницу.

Потом вторую.

Подняла глаза.

— Можно поговорить о твоём эссе?

— Конечно.

Я улыбнулась.

— Объясни, пожалуйста, основную мысль вступления.

Он посмотрел на текст.

Потом на меня.

Замолчал.

Попытался ответить.

Остановился.

Начал снова.

Но слова так и не появились.

Я указала на другой абзац.

— А что ты хотел сказать здесь?

И снова...

Ничего.

Не потому, что он нервничал.

А потому, что действительно не знал.

Я не сердилась.

И уж тем более не пыталась поймать его на обмане.
Мне хотелось понять только одно:
Это действительно его мысли?
Вместо ответа он резко поднялся.
— Я хочу поговорить с координатором.
Не успела я ничего сказать, как он вышел из класса.

Через несколько минут за мной пришли.
Координатор уже ждал.
Я подробно рассказала обо всём, что произошло.
Я не обвиняла ученика в списывании.
Даже не произнесла слов «искусственный интеллект».
Я всего лишь попросила его объяснить собственную работу.
Для меня это был самый естественный вопрос на свете.

Когда координатор закончил разговор, ученик вышел из кабинета первым. Я задержалась ещё на несколько секунд, а затем направилась вслед за ним. Когда я подошла к классу, меня ждала неожиданная картина: у двери уже собралась большая группа учеников. Едва он переступил порог, как они встретили его аплодисментами и радостными возгласами, словно он только что одержал какую-то важную победу. На мгновение я застыла, пытаясь понять, что именно они сейчас празднуют.

Лишь позже я узнала, что он был сыном одного из директоров школы.
Разбирательство продолжалось ещё несколько дней.
В конце концов школа признала его поведение недопустимым.
Его отстранили от занятий на два дня.
Кто-то спросил меня, хочу ли я подать официальную жалобу.
Я ответила:
— Нет.
Наказание никогда не было моей целью.
Мне не хотелось, чтобы ученики меня боялись.
Мне хотелось, чтобы они думали.
Сомневались.
Искали ответы.
Ошибались.
Но прежде всего...
Чтобы они были честными.

Оглядываясь назад, я не думаю, что именно **ChatGPT** создал эту проблему.
Он лишь сделал видимой ту, которая существовала всегда.
Образование никогда не сводилось к поиску идеальных ответов.
Его смысл — научиться бороться с несовершенными вопросами.
Искусственный интеллект способен написать великолепное эссе.
Он способен убедительно имитировать понимание.
Но он никогда не заменит тот момент, когда ученик останавливается...
Задумывается...
Меняет своё мнение...
И неожиданно открывает мысль, которая действительно принадлежит ему самому.
Именно этот момент я всегда старалась защитить.

И где-то на этом пути я поняла ещё одну вещь.

Настоящий вопрос никогда не заключался в том, научатся ли ученики пользоваться искусственным интеллектом.

Настоящий вопрос был совсем другим.

Научимся ли мы, преподаватели, различать разницу между интеллектом...

...и пониманием.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Неписанные правила

«Школы IB стремятся создавать образовательное сообщество, в котором каждый ученик чувствует, что его ценят и уважают.»

Один из первых уроков, которые я получила в **Colégio Integra**, не имел никакого отношения к преподаванию.

Он был о другом.

О том, что гораздо труднее заметить.

О правилах, которых никто никогда не объясняет.

Когда люди представляют себе элитные школы, они обычно думают о красивых кампусах, талантливых учениках и высоких академических стандартах.

Но почти никто не видит невидимых иерархий, существующих под поверхностью.

Я тоже их не замечала.

Поначалу.

Через несколько дней после официального начала работы Кеми поручила мне первое задание по **Extended Essay**.

Я ещё не провела ни одного урока.

Даже не успела запомнить имена своих учеников.

И всё же в электронной системе меня уже ждал длинный список рефлексий, которые необходимо было проверить.

Помню, как смотрела на экран и думала:

Во что же я вообще ввязалась?

Через несколько дней, во время одного из первых занятий по **Extended Essay**, я проверяла, все ли ученики могут войти на онлайн-платформу.

Одна девушка подняла руку.

— У меня не работает аккаунт.

Она показала экран.

И действительно.

Учётная запись была заблокирована.

— Ничего страшного, — сказала я. — Сходи к координатору Даниэлю или в IT-отдел.

Они быстро всё исправят.

Весь разговор занял меньше минуты.

Для меня это была совершенно обычная ситуация.

Она встала.

Вышла из класса.

Я продолжила урок.

Примерно через час в дверь постучали.

— Кеми просит вас зайти.

Я вошла в кабинет.

Даниэль уже был там.

Кеми предложила мне присесть.

— Что произошло с Камилой?

Я спокойно рассказала всё, как было.
Проблема со входом в систему.
И больше ничего.
Они молча выслушали.
Потом Даниэль улыбнулся.
— Камила — моя дочь.
На секунду я не поняла, почему это вообще имеет значение.
А потом они объяснили.
Оказалось, она вышла из класса в слезах.
Мне стало ужасно неловко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.